

УДК 124.2

БЫТИЕ ЭТНИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ КОНСТРУКТАХ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

А. В. Яркеев

Удмуртский филиал Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Поступила в редакцию 11 марта 2013 г.

Аннотация: рассматривается мифологизация этнической идентичности в конструктах социального дискурса. Обосновывается теоретико-методологическая позиция, в соответствии с которой деконструкция субстанциалистского понимания этнической реальности возможна на основе классического метода субъект-объектного тождества Ф. Шеллинга через утверждение этнической идентичности в качестве способа самоопределения социальной субъективности в структурах языка.

Ключевые слова: социальный миф, этническая идентичность, дискурс, социальный субъект.

Abstract: the paper considers mythologization of ethnic identity in constructions of social discourse. It proves theoretical and methodological position, according to which the deconstruction of substantial approach to ethnic reality is possible on the basis of classical Schelling's method of subject-object identity through understanding ethnic identity as a way of self-defining of social subjectivity in language structures.

Key words: social myth, ethnic identity, discourse, social subject.

Процессы глобализации, происходящие в современном («постсовременном») обществе, связаны с размыванием традиционных идентичностей и способов идентификации в социальном пространстве. Утрата устойчивой коллективной идентичности в ходе универсализации социального мира порождает как «реакцию» партикуляристские тенденции реанимирования этноцентристских идеологий, часто сопряженных с реакционными формами проявления – региональным сепаратизмом, воинствующим национализмом, агрессивным антиглобализмом и др. При этом этническая идентичность понимается как максимально естественная и непосредственная сущность индивида в отличие от прочих – «надстроечных» – идентификаций, искусственных и сконструированных социальным порядком. Наша идея заключается в том, что отношение к этнической идентичности как разумеющейся естественной данности представляет собой социальный миф.

Попытка «схватывания» ускользающей, или «плавающей», идентичности (floating identity) в условиях «текучей современности» (З. Бауман) стала актуальной для целого ряда наук. Вместе с тем классическая рациональность с ее ориентацией на научность и универсальность описаний социального мира в терминах объективной истины переживает кризис,

поскольку объективирующий принцип познания идентифицирует всё, кроме идентифицирующего субъекта. Не-хватка субъективности как не-хватка идентичности приводит к порождению условий для возникновения современных социальных мифов, т.е. к мифологизации социальной дискурсивности. На границе собственного существования логос становится не отличимым от мифа, философия превращается в мифологию. На этом фоне остро заявляет о себе необходимость введения в философский процесс саморефлексивного мышления, основанием которого является понимающий субъект как носитель смысла дискурсивности. Сохранение осмысленности социально-философских построений на базе мыслящей субъективности позволяет остаться в рамках социальной рациональности, не выходя в пространство мифологических представлений. Целостный подход к исследованию самоидентификации социальной реальности определяет ее рассмотрение в аспекте самоконструирующейся системы социального знания через точку социального субъекта [1, 2].

В конструктивистских построениях этничность рассматривается как процесс идентификации. Идентификация представляет собой процедуру установления тождества между как минимум двумя образованиями, что предполагает различение трех инстанций: 1) которая устанавливает идентичность («идентификатор»); 2) чья идентичность устанавливается («идентифицируемое»); 3) на предмет идентичности которой рассматривается вторая инстанция («идентифицирующее»). Таким образом, идентификация осуществляется по формуле парадоксального тождества $A = B$, где в явном виде присутствуют идентифицирующее и идентифицируемое, а идентификатор не эксплицирован, а неявно представлен самим знаком тождества-идентичности ($=$). Позиция идентификатора, властно приписывающего идентифицируемой инстанции определенный предикат, задается как нейтральное «место», позволяющее объективно установить идентичность сопоставляемых инстанций. Эта нейтральная точка зрения является точкой зрения Абсолютного субъекта, который удостоверяет истинность, общезначимость научного дискурса об этнической реальности. Такой Абсолютный идентификатор, как точка зрения Абсолютного наблюдателя, является пределом идентификации, задавая субъективность на ее пределе. Поскольку Абсолютный идентификатор задает всё конфигуративное пространство идентификации через заданные места идентичности, постольку он существует как место производства идентичностей, существуя в своей не-идентифицированности как некий «читающий», который сам не может быть сосчитан. Его место в пространстве полной идентификации оказывается «вычтенным», пустым. Таким образом, производство идентичности осуществляется из пустого места Абсолютного субъекта, который способен со-в-мещаться с любой точкой идентичности, существуя в неустановленной идентичности, и находиться в любой точке пространства идентификации. Как не-идентифицируемый идентификатор, индексирующий каждую точку пространства идентификации, Абсолютный субъект всегда предъясняется как предел идентификации, или «пустое» место идентичности.

Необходимость в идентификации возникает в момент проблематизации идентичности между идентифицируемым и идентифицирующим. Идентифицируемое предстает перед идентификатором как неопределенное непосредственное «нечто». В отличие от идентифицируемого идентифицирующее всегда является чем-то определенным и поименованным. То есть идентифицирующее функционирует в процессе идентификации в качестве того или иного имени, или означающего. Таким образом, проблема идентификации сводится к возможности употребления по отношению к идентифицируемому того или иного имени (означающего). Иными словами, идентификация подразумевает в качестве условия своей возможности номинацию, или сигнификацию. Следовательно, любая идентификация возможна только в языке и только посредством языка. Идентификатор же всегда предстает в качестве социального, т.е. как представитель языкового сообщества, в рамках которого высказывание «Это называется X» имеет смысл.

Естественной является предпосылка, состоящая в том, что мы говорим не просто так, а о чем-то, познаем непременно что-то и что наличие предмета разговора (или познания) как раз удостоверяет и отличает разговор или познание в собственном и полном смысле от чего-то, что только кажется таковым. Это допущение и можно считать главным фактором, обусловившим то обстоятельство, что чаще всего постулируемым типом связи языка и реальности является соответствие (корреспонденция) и основанная на нем репрезентация. Привлечение понятия корреспонденции подразумевает, что структуры языка каким-то образом соответствуют структурам реальности, о которой на этом языке может идти речь. Это влечет за собой утверждение, что любые значимые изменения в реальности (понятой как предметная сфера языка) не оставляют незатронутым язык, в котором происходят структурные изменения, соответствующие первым. Привлечение понятий репрезентации подразумевает, что соответствие имеет вид отображения структуры реальности структурой языка – это, соответственно, означает, что мы, воспринимая новые языковые конструкции, можем не только заключать, что с реальностью, в реальности что-то произошло, но и судить по этим конструкциям о характере изменений в мире.

Результатом корреспондентно-репрезентативных представлений о связи языка с реальностью является концепция референции, под которой понимают вид непосредственной связи языковых выражений с предметом в мире. В этом представлении изначально оказались смешанными, по крайней мере, два: с одной стороны, это обобщение фактов успешных указаний на предметы с помощью таких выражений; а с другой – вызванное данной моделью убеждение в том, что успехи таких указаний не случайны, а являются результатами существующего положения дел, а именно, что успешно и систематически указывать на что-то есть функция самих выражений, причем только таких, которые сами по себе обладают свойством быть непосредственно связанными с объектами, на которые они могут указывать, т.е. иметь их в качестве своих референтов. При этом в понимании референции можно выделить две трактовки:

1) выражение может быть непосредственно связано отношением референции с одним-единственным предметом (или объектом) в мире и больше ни с каким, так что только этот объект и никакой другой может быть его референтом при правильном употреблении;

2) или же выражение может быть так связано с неким множеством объектов, возможно, даже не обязательно конечным – такое расширение референции обычно называют объемом (экстенционалом) термина.

Однако если смысл референциальной теории значения заключается в том, что имена признаются указывающими на нечто и благодаря этой своей характеристике имеющими значения, то оказывается неважным, на какого типа сущности они указывают. Между тем наши повседневные представления о мире таковы, что если мы пытаемся судить о нем не через призму языка, как правило, отдаем должное тем различиям, которые называем онтологическими, а именно: мы говорим, например, что «быки» существуют, а «единороги» не существуют. На более утонченном уровне дискурса мы можем различать их как сущности разных видов, относительно которых «существовать» означает каждый раз разное. Референциальные слова и конструкции не фиксируют, таким образом, этих различий: «единорог» как грамматическое имя ничем не хуже и не менее реален, чем «бык»; «мысль» и «смысл» не отличаются грамматически от «стол» и «стул», хотя мы не можем их ощутить органами чувств. Следовательно, мы можем с равным успехом обозначать таким образом предметы, обладающие различными онтологическими статусами.

Очевидно, для того чтобы такие термины, как «бык» и «единорог», отражали соответствующие онтологические различия, их значения – семантические характеристики – должны позволять устанавливать эти различия. Но если значение термина состоит в его референции, то на каком основании такое может быть выполнимо? С другой стороны, у нас есть способы фиксировать нужные онтологические различия через утверждение различий между типами признаков, которые могут характеризовать те или иные виды сущностей и которые, скажем, для индивидуальных объектов, локализуемых в пространстве и времени, интуитивно не такие, как для смыслов или ментальных сущностей. На таких интуициях основано простое решение по демаркации «существующего» и «несуществующего» по этим качественным различиям. Но при таком подходе референция не гарантирует существования, и тогда, например, «ничто», чье употребление в языке сходно с употреблением имен, вполне может трактоваться как имя какой-то существующей сущности [3, с. 9].

Онтологические проблемы референции можно решать двумя способами. Первый является трансцендентальным и состоит в объективации языковых конструкций: он заключается в том, чтобы искать факторы, обуславливающие референцию в самом мире. Второй – имманентный, состоящий в поисках факторов указанного типа в самом языке.

Решение вопроса о соотношении языка и реальности, при котором язык выступает средством «формирования» окружающего нас мира, можно в своих истоках считать «кантианским». В упрощенном виде эту

модель познающего субъекта и реальности можно представить следующим образом. Сознание не имеет непосредственного доступа к внешнему миру; взаимодействие с миром происходит через органы чувств. Поэтому то, что непосредственно дано сознанию, это не сам внешний мир, а различные восприятия («идеи», «явления»), возникающие в нашем сознании благодаря органам чувств. Сознание не может установить, соответствует ли этим восприятиям что-либо в реальности. Мир навсегда скрыт от сознания за «покрывом идей». И. Кант обозначил этот разрыв, проведя различие между «ноуменальным» миром вещей-в-себе и «феноменальным» миром вещей-для-нас. Объектом нашего знания является феноменальный мир, который отчасти создается познающим субъектом. Предметы окружающего мира – это явления, в «формировании» которых участвуют априорные формы чувственности и категории рассудка. Отличие современных «неокантианцев» состоит в том, что в качестве этих априорных факторов рассматривается язык [4, с. 14].

Понимание идентичности складывается из различных представлений о ней. Если исходить из предположения, что идентичность есть некая самотождественная «самость», ноуменальная «вещь-в-себе», т.е. то, что «есть-как-оно-есть», сохраняясь во всех возможных изменениях, процессах существования субъекта, то проблема идентичности будет заключаться в правильности указания на идентичность как предмет обозначения, означивания, где она всегда оказывается в позиции означаемого по отношению к означающему. Идентификация становится процессом описания, или дескрипции, идентичности как объекта описания. Здесь процесс описания становится процессом именованя идентичности, или процессом номинирования.

С позиций кантианского подхода Э. Кассирер говорит о том, что всякое образование понятий, в какой бы области и на каком бы материале оно ни происходило – будь то в «объективном» опыте или в «субъективном» представлении, – характеризуется тем, что включает в себе определенный принцип соединения и выстраивания в «ряд». Только благодаря этому принципу из непрерывного потока впечатлений выделяются определенные «образования» с твердыми очертаниями и «свойствами». Форма причисления к ряду определяет, следовательно, вид и род понятия. Например, для физического понятия и для биологического понятия характерны разные способы упорядочения, разные аспекты сравнения. Образование исторических понятий отличается другой направленностью внимания при схватывании и соединении элементов. «Как раз эту решающую разницу традиционное учение логики о понятии старается обойти или, по меньшей мере, не довести до строгой методологической формулировки. Ибо, уча нас тому, что понятие образуется в процессе того, как мы пробегаем совокупность одинаковых и сходных восприятий и, все больше и больше исключая различия между ними, выделяем из нее только общие составные части, оно исходит из предпосылки, что сходство или несходство уже заложено в простом содержании самих чувственных впечатлений и якобы непосредственно и недвусмысленно из него выво-

дится. Однако чувственные элементы могут быть соединены по сходству совершенно различным способом, в зависимости от *точки зрения*, с которой они рассматриваются. Само по себе ничто не имеет сходства или несходства, не является одинаковым или неодинаковым – таковым его делает только мышление. Мышление не просто копирует существующее в себе сходство вещей в форме понятия, а само посредством операций сравнения и соединения впервые определяет то, что надлежит считать несходным. Другими словами, понятие – это не продукт сходства вещей, а предварительное условие для сознательного полагания сходства между ними. Даже самое разное тоже можно рассматривать как нечто в каком-либо отношении похожее или одинаковое, а самое похожее – как нечто в каком-либо отношении разное. Задача понятия состоит как раз в том, чтобы зафиксировать это отношение, определенным образом выразить эту детерминирующую точку зрения» [5, с. 190–191].

Анализируя идентификацию как процесс номинирования, С. Жижек показывает на примере спора между дескриптивистами и антидескриптивистами, что ни одно имя не может быть результатом «жесткой десигнации», или прямого соответствия объекта своему имени. Предмет дискуссии дескриптивизма и антидескриптивизма состоит в вопросе о том, каким образом соотносятся имена и вещи, которые этими именами обозначаются. В дескриптивизме ответ на вопрос об этом соотношении сводится к теории значения: каждое слово – это, в первую очередь, носитель определенного значения, подразумевающего набор определенных признаков (слово «стол» обозначает объект определенной формы, служащий определенным целям), и, следовательно, слово соотносится с теми объектами в реальности, которые обладают свойствами, обозначаемыми данным набором признаков. Слово «стол» обозначает некий предмет потому, что этот предмет обладает признаками, охватываемыми значением слова «стол». План содержания, следовательно, имеет логический приоритет над планом выражения: множество объектов, к которым относится слово, определяется универсальными свойствами, охватываемыми его значением. Антидескриптивизм решает эту проблему иным способом: слово соединяется с объектом или рядом объектов в акте «первой номинации», и эта связь сохраняется даже в том случае, если набор отличительных признаков, первоначально определявших значение слова, совершенно изменяется. В этом и состоит вся суть спора: дескриптивизм делает акцент на имманентном, внутреннем «интенциональном (понятийном) содержании» слова; антидескриптивизм же полагает определяющими внешние каузальные связи, передачу слова от субъекта к субъекту по традиции [6, с. 96].

На первый взгляд, пишет С. Жижек, может показаться, что эта проблема имеет очень простое решение: мы имеем дело с двумя различными типами имен – общими понятиями и именами собственными. Тогда получается, что дескриптивизм показывает, как функционируют общие понятия, а антидескриптивизм – имена собственные. Однако путем такой простой классификации уйти от решения проблемы невозможно, по-

сколькx и дескриптивизм и антидескриптивизм претендуют на статус общей теории номинации. С позиций дескриптивизма имена собственные являются своеобразной аббревиатурой, маскирующей отличительные признаки, с точки же зрения антидескриптивизма внешние каузальные связи определяют номинацию даже в случае общих понятий. Теория Ж. Лакана проясняет суть этого спора, показывая, что как дескриптивизм, так и антидескриптивизм не учитывают один и тот же принципиальный момент, а именно – радикальную произвольность именования. Доказательством этому служит то, что для обоснования своих выводов и те и другие вынуждены придумать миф: о «первобытном племени» – у дескриптивистов и о «всезнающем наблюдателе истории» – у антидескриптивистов. В связи с этим представляется необходимым адресоваться к тому, что Ж. Лакан называет «ретроверсивным эффектом именования». Этот эффект возникает в результате расщепления между собой серий означающего и означаемого.

Разрыв между языком как означающей цепочкой и порядком означаемого как вовлекаемой в сигнификативные сети реальностью носит двойственный характер. Во-первых, прецессия означаемых всегда, по крайней мере на «один такт», отстает от движения означающей цепочки, непосредственное существование индивида носит запаздывающий по отношению к языку характер (индивид рождается в язык, который уже до него существовал). Во-вторых, язык с самого начала дан как бесконечная тотальность, в которой заранее уже все возможное обозначено; по отношению к языку означаемые серии производны и остаются лишь бесконечным, асимптотическим приближением. Другими словами, язык всегда больше чем того, что можно с его помощью обозначить. Означающие последовательности поэтому характеризуются избытком, а означаемые – нехваткой. Лакуна между двумя сериями функционирует в качестве мифопорождающей инстанции «плавающего означающего», или «нонсенса». Данная инстанция представляет собой своеобразную функцию хаоса в системе порядка и является местоположением субъективности в структурах языка. Не обладая никаким конкретным содержанием, нулевое означающее как «место пристежки» во взаимном семантическом скольжении двух серий способно задавать идентичность дискурсивного поля значений, что является, согласно К. Леви-Стросу, «установлением нулевого типа». «Эти установления (нулевого типа. – А. Я.), – пишет К. Леви-Строс, – не обладают никакими особыми им присущими качествами, они лишь создают предварительные условия, необходимые для существования социальной системы, к которой они относятся, хотя сами по себе они лишены значения; только их наличие позволяет этой системе выступать как некое целостное единство... Эта проблема состоит в существовании установлений, не имеющих другой функции, кроме той, что они придают смысл обществу, которому они принадлежат» [7, с. 143]. Такой институт «нулевой степени» сигнализирует о присутствии и актуальности социальных институтов как таковых в оппозиции к их отсутствию, досоциальному хаосу. Именно связь с подобным установлением нулевого

типа позволяет всем членам общества переживать себя в качестве таких членов одного и того же общества. С. Жижек называет это установление нулевого типа «идеологией в чистом виде, прямым воплощением идеологической функции обеспечения нейтрального всеобъемлющего пространства, в котором стирается социальный антагонизм, в котором все члены общества способны себя узнавать» [8, с. 120]. Борьба же за гегемонию являет собой в таком случае то, «как именно установление нулевого типа будет сверхдетерминировано, в какое именно значение оно будет окрашено» [8, с. 120–121]. «Натурализованные» конструкты нулевого типа как «естественная» установка мышления служат нейтральным основанием институтам, воспринимаемым как социальные артефакты. «Нация», или «национальная идентичность», переживается, по крайней мере, как минимально «естественная» принадлежность, основывающаяся на «крови и почве», и в качестве таковой она противопоставляется «искусственной принадлежности» собственно социальным институтам – государству, профессии и др.

Эссенциалистская иллюзия в социальном мифе возникает вследствие отставания означаемого от движения означающей цепочки и состоит в том, что произвольное значение того или иного понятия, социального конструкта («нация», «этнос», «класс» и т.п.) не задается интервенцией в поле свободно циркулирующего означающего господствующего маркера, выступающего центрирующим фактором, а заложено изначально в его форме как имманентная сущность. Некое понятие «в любом из возможных миров» имеет жестко ограниченный и фиксированный набор признаков, объективированных качеств, предъявляющих соответствующее социокультурное явление как данность, как оно есть «по самой своей природе». В эссенциализме означаемое (содержание понятия) имеет логический приоритет над планом выражения: множество объектов, к которым относится слово, определяется универсальными свойствами, охватываемыми его значением. Данное представление, присущее номинативной, или дескриптивной, теории, воплощается в таком устройстве языка, которое каждому означающему ставит в строгое соответствие свое означаемое. Однако именно здесь у дескриптивизма и возникают наибольшие проблемы и затруднения, что прослеживается хотя бы на примере теории «языковых игр» Л. Витгенштейна [9]. Действительно, если значение – это предзаданная идеальная норма, то как тогда объяснить, что в различных контекстах его употребления оно меняется вплоть до противоположного исходному. В эссенциалистском подходе к языку как прозрачному вспомогательному инструменту не рефлектируется, не просматривается то обстоятельство, что, во-первых, связь между означающим и означаемым носит радикально произвольный характер (именно эта произвольность и является, согласно Ф. де Соссюру, условием стабильности связи), и, во-вторых, идентичность какого-либо социального объекта конституируется перформативным действием его собственного означающего – объект таков именно потому, что он так называется. «Соединение означающего и означаемого (их прикалывание), о котором я го-

ворю, – писал Ж. Лакан, – еще никому не удавалось совершить, ибо точка их схватывания всегда мифична, так как означаемые всегда находятся в состоянии блуждания, «соскальзывания»... напротив, можно осуществить соединение (прикалывание) означающего к означаемому и посмотреть, что из этого выйдет. Но в этом случае всегда происходит нечто новое... а именно возникновение нового значения» [цит. по: 10, с. 43].

Инстанция нонсенса, в которой размещается субъект-наблюдатель, придающий фиксированное значение полю означающего, в эссенциалистском мифе выносится за пределы этого поля, превращаясь во «всевидящее око» трансцендентного зрителя, или реифицируется в конструкте «трансцендентального означаемого», предшествующего всякой сигнификации и, более того, ее детерминирующего. «Элемент, – отмечает С. Жижек, – репрезентирующий в структуре высказывания то, что значение высказывания имманентно акту его провозглашения, воспринимается как некий трансцендентный гарант. Элемент, просто-напросто занимающий место нехватки, элемент, чья «телесность» есть не что иное, как воплощение нехватки, воспринимается как точка предельной полноты. Короче – чистое различие воспринимается как Идентичность, исключенная из игры отношений и дифференций и даже гарантирующая их гомогению» [6, с. 105].

В противоположность номинативной модели языка Ж. Лакан предлагает рассматривать цепочки означающего и означаемого как направленные в разные стороны и пересекающиеся в двух гипотетических точках, отрезок между которыми выступает в функции «места пристежки». Основной особенностью данной конфигурации является то, что вектор субъективного намерения пристегивает вектор означающей цепочки в обратном направлении, т.е. ретроактивно: он покидает эту цепочку в точке, предшествующей той, в которой он встречается с данной цепочкой. Поэтому имя является «неизменным» «задним числом», т.е. однажды мы оказываемся «уже с ним». «Ретроверсивный эффект» продуцирует иллюзию, которая состоит в том, что нечто воспринимается как существовавшее изначально и, кроме того, лежит в основании воображаемого измерения социального мифа, при котором взгляд на социальные объекты «не замечает» сам регистр языка.

Главным достижением антидескриптивизма является то, что он позволяет понять «точку пристежки» «чистого» означающего, которое именно как слово, на уровне самого означающего, унифицирует данное поле, задавая его идентичность. Это такое слово, к которому сами «вещи» как бы обращаются, чтобы уяснить себя в своей целостности. Важно понять связь между предельной произвольностью именования и логикой возникновения «жесткого десигнатора», задающего идентичность конкретного объекта. Сам по себе он является не чем иным, как «чистым различием», его функция является исключительно структурной, это чистый перформатив, значение которого совпадает с актом его провозглашения. Таким образом, самое главное в анализе идеологической доктрины этноса заключается в том, чтобы различить за универсалиями («этнос», «народ», «еврей» и пр.),

скрепляющими этот миф, самореференциальную, тавтологическую, перформативную процедуру. Например, «еврей» – это в конечном счете тот, кто стигматизирован означаемым «еврей»; дело вовсе не в том, что все богатство вымышленных признаков, призванных характеризовать «евреев» (жадность, интриганство и т. п.), скрывает от нас то, «каковы они на самом деле», их подлинную природу, а в том, что в антисемитских построениях «еврей» обладает чисто структурной функцией.

Мифологическое измерение состоит в эффекте «искажения перспективы»: элемент, репрезентирующий инстанцию «пустого означающего» в поле значений, воспринимается как точка, в которой значение достигает своей максимальной насыщенности, как точка, «придающая значение» всем другим элементам и тем самым придающая цельность полю (мифологических, идеологических) значений. Элемент, репрезентирующий в структуре высказывания то, что значение высказывания имманентно акту его провозглашения, воспринимается как некий трансцендентный гарант. Элемент, просто-напросто занимающий место нехватки, элемент, чья «телесность» есть не что иное, как воплощение нехватки, воспринимается как точка предельной полноты. То есть «чистое различие» воспринимается как Идентичность, исключенная из игры отношений и даже гарантирующая их гомогенность.

Эссенциалистская иллюзия состоит в убежденности в том, что возможно описать конечный набор признаков, конкретных качеств, определяющих неизменную сущность того или иного феномена, номинированного, например, как «еврей». Тогда, чтобы получить статус «еврей», необходимо обладать этим набором признаков. Исходя же из теории антиэссенциализма, нужно признать, что невозможно задать какую-либо сущность, какой-либо набор конкретных качеств, который остался бы неизменным в любом из «возможных миров», в любой гипотетической ситуации.

В результате единственным способом определить людей как «евреев» является признание того, что этим понятием охватываются все индивиды, которые получают свою легитимацию, называя себя «евреями». Иными словами, единственным возможным определением идентичности того или иного объекта будет то, что это именно тот объект, который всегда обозначается данным означаемым, связан с одним и тем же означаемым. Именно означающее и конституирует «идентичность» объекта.

«Точка пристежки» – это точка, в которой субъект «приколот», «пришит» к означаемому, и одновременно это такая точка, в которой индивид интерпеллируется как субъект обращенным к нему призывом тех или иных господствующих означаемых (например, этничности). То есть это точка субъективации означаемой цепочки. Плавающие означаемые, не обладающие еще фиксированным значением, следуют друг за другом. Но в определенной точке, в которой намерение встречает цепочку означаемых и пересекает ее, одно из означаемых ретроактивно фиксирует значение цепочки, «пришивает» значение к означаемому, останавливает скольжение значения. Здесь прослеживается логика трансфера, иллюзия, свойственная механизмам трансфера. Трансфер оказывается не-

отъемлемым следствием отставания означаемого от потока означающих и состоит в той иллюзии, что значение элемента не задается введением господствующего означающего, а заложено с самого начала в его форме как имманентная сущность. Мы оказываемся под властью трансфера, как только нам начинает представляться, что, например, этничность «укоренена в природе», и т.д. Парадокс состоит в том, что трансферентная иллюзия является совершенно необходимой для успеха «пристеги-вания», выступает мерой этого успеха: «пристежка» успешна ровно в той мере, в какой она стирает свои собственные следы. Таким образом, здесь имеет место «ретроверсивный эффект» с присущей ему трансферентной иллюзией, в силу которой субъект на каждом этапе становится тем, «чем он всегда уже был», – ретроактивный эффект состоит в том, что нечто воспринимается как существовавшее изначально. Здесь и происходит символическая идентификация, вследствие которой субъект получает отождествление с тем или иным значимым признаком Другого с большой буквы, символического порядка.

Это именно тот значимый признак, который, согласно лакановскому определению означающего, «репрезентирует субъекта другому означающему». Этот признак принимает конкретную, узнаваемую форму в соответствии с именем, принимаемым субъектом и/или налагаемым на него. Символическую идентификацию, по Ж. Лакану, необходимо отличать от воображаемой идентификации. Для обретения самоидентификации, самотождественности субъект должен идентифицироваться с воображаемым другим; иными словами, должен подвергнуть себя отчуждению, вынести свою идентичность вовне себя, в образ своего двойника.

«Ретроверсивный эффект» имеет своим основанием именно этот уровень воображаемого – данный эффект поддерживается иллюзией, при которой Я воспринимает себя как самодостаточный фактор, являющийся основанием своих собственных действий. В воображаемом самосознании субъект «не узнает» свою полную зависимость от Другого с большой буквы, от символического порядка как своего децентрирующего основания. Символическая идентификация всегда произвольна, она по своей природе является перформативом и не может быть объяснена ссылками на какие-либо «действительные» признаки или свойства субъекта.

Идентификация есть процесс, при котором индивид застает себя в символическом зеркале языка в качестве означающего, которое никому не принадлежит и чья пустота заполняется собственным существованием. Зеркальное тождество Я = Другой в языке соответствует в аспекте пространственного со-положения метонимии, а в аспекте временного развертывания – метафоре. Именно по осям метонимии и метафоры происходит движение субъекта-означающего в языке. Смысл никогда не задан однозначно, а возникает лишь как следствие перемещения вдоль знаковой цепочки. Возникает своеобразное скольжение вдоль цепочки означающих, от одного означающего к другому. Поскольку всякое означающее получает значение лишь ретроспективно, постольку ни одно значение нельзя признать окончательным и исчерпывающим [11, с. 155].

Самоидентификация социального субъекта происходит как дискурсивное самоопределение, где он, с одной стороны, оказывается тем, кто определяет – субъектом дискурса, а с другой – тем, что определяется, т.е. объектом дискурса. Соответственно этому возникает как возможность идентификации через рефлексию, так и возможность самоопределения через объективные структуры. Идентификация социального субъекта имеет смысл только тогда, когда она понимается в аспекте субъект-объектного тождества, в котором субъект самопредставляется через некоторую социальную позицию, существующую в пространстве социальной реальности.

Классическая научная эпистемология строится на противопоставлении субъекта и объекта как «идентифицирующего» и «идентифицируемого», что приводит к исчерпанию идентичности и субъективности. Действительно, согласно научному рационализму, вырастающему на почве естественной установки повседневного опыта, субъект-объектные отношения не могут быть опосредованы ничем «третьим», поэтому язык выступает здесь абсолютно прозрачным и потому не просматриваемым средством, индифферентно фиксирующим результаты деятельности познающего разума. Мир описывается якобы таким, каким он есть на самом деле, поскольку предполагается, что между разумом и миром существует отношение «естественной» сигнификации. Это совпадение является следствием господства номинативной, или репрезентативной (репродуктивной), теории языка. В силу такой установки из поля зрения выпадает радикальная произвольность и перформативность любой номинации, исчезает условие саморефлексивности языковых структур.

Стремление мыслить общество в качестве чего-то такого, что можно наблюдать извне, объективно, беспристрастно протоколируя результаты исследования с помощью категорий языка, приводит к трансценденции позиции наблюдателя и объективации языковой практики конструирования социальной реальности. Операциональные различия языка, используемые исследователем как методологический инструментарий при тематизации социальной реальности, гипостазируются, рассматриваются как налично данные факты, как объективные различия. Социальный субъект, применяющий различия для осуществления конструирующей операции наблюдения за социальной реальностью, исключает самого себя из того, что он наблюдает, становясь тем самым «исключенным третьим» своего наблюдения, безотносительным к тому, какое он использует языковое различие. Таким образом, сама практика обозначающего различия не проявляется, не рефлегируется в этом различии. Она существует как «слепое пятно» системы социального знания, как «место» отсутствующего субъекта, или «место»-положение рационализирующей объективации социальной субъективности как пространства «социального воображаемого».

Объективирующее исключение социального субъекта как единства различий из познавательного отношения приводит к парадоксализации системы социального знания, блокирующей ее целостное (непротиворечивое) и осмысленное выстраивание. Системный «разрыв» заполняется мифологическими конструктами, которые не столько соединяют,

сколько увеличивают «разрыв», субстанциализируя структуры мышления и объективируя смыслы социального.

Целостный онтологический подход на основе метода субъект-объектного тождества Ф. Шеллинга позволяет задать социальное бытие как способную к самоидентификации идентичность в осмысленных структурах языка. Тогда этническая идентичность предстает как результат процесса самоидентификации бытия социальной субъективности. Дискурс идентичности, основанием которого является саморефлектирующий субъект, гарантирует обретение смысла идентичности, предотвращая ее мифологизацию в жестах объективации.

Литература

1. Бушмакина О. Н. Конструирование дискурса воображаемого сообщества в современной философии / О. Н. Бушмакина // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 3. – С. 3–11.
2. Бушмакина О. Н. Конструирование дискурса воображаемой этничности / О. Н. Бушмакина // Вестник Удмуртского университета. – 2005. – № 12. – С. 14–20.
3. Лебедев М. Онтологические проблемы референции / М. Лебедев, А. Черняк. – М. : Праксис, 2001. – 344 с.
4. Макеева Л. Язык и реальность / Л. Макеева // Логос. – 2006. – № 6. – С. 3–20.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарики, 1998. – 784 с.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Художеств. журн., 1999. – 240 с.
7. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М. : Наука, 1985. – 535 с.
8. Жижек С. Хрупкий абсолют, или почему стоит бороться за христианское наследие / С. Жижек. – М. : Художеств журн., 2003. – 178 с.
9. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.
10. Филиппов Л. Структурный психоанализ Ж. Лакана и субъект творчества в структурном литературоведении / Л. Филиппов // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественный образ и структура. – М. : Мысль, 1975. – С. 44–63.
11. Яркеев А. В. Этническая идентичность в дискурсе социального мифа / А. В. Яркеев. – Ижевск : Удмуртский ун-т, 2009. – 180 с.

Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Яркеев А. В., кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Yarkeev A. V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Research

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru